

Ф.Ф. Зелинский

**Педагогические воззрения
Платона и Аристотеля**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ф11

Ф.Ф. Зелинский
Ф11 Педагогические воззрения Платона и Аристотеля / Ф.Ф. Зелинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 131 с.

ISBN 978-5-458-06036-3

Перевод С.В. Меликовой и профессора С.А. Жебелева, под редакцией и со вступительной статьей профессора Ф. Ф. Зелинского. Издательство газеты "Школа и жизнь"

ISBN 978-5-458-06036-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стр. 52), въ этомъ сказывается успокоительное, — если угодно, наркотическое — дѣйствіе ритма; но правъ, конечно, и Платонъ, видя въ этомъ пассивномъ движеніи ребенка также и начало его гимнастическаго воспитанія. О люлькахъ и колыбеляхъ онъ не говоритъ, и настоящія „подвижныя кровати“ упоминаются только Плутархомъ четыремя столѣтіями позже, но указанія на родственные предметы, служившіе для укачиванія младенцевъ — корыта, вѣлки, а для дѣтей воиновъ и щиты — разсѣяны тамъ и сямъ по греческимъ литературнымъ и изобразительнымъ памятникамъ уже начиная съ очень ранняго времени, такъ что въ существованіи обычая укачивать дѣтей сомнѣваться не приходится.

Соотвѣстственнымъ зародышемъ „мусическаго“ воспитанія были колыбельныя пѣсни (*bankalēmata*) нянь и матерей; ихъ существованіе мы признали бы безъ всякихъ свидѣтельствъ — тѣмъ пріятнѣе, что и свидѣтельства о нихъ имѣются. Случайно упоминается — у сатирика I в. по Р. Х., Персія — и содержаніе такой „кормилицыной молитвы“: „будешь расти царя и царицы, будутъ о тебѣ спорить невесты, станутъ зати розы, куда ни ступишь ногой“... Какого царя, какой царицы? Конечно, сказочныхъ: вѣдь дѣйствительные имѣлись только у варваровъ. Ритмическимъ аккомпаниментомъ къ такимъ пѣснямъ служила погремушка (*Krotalon*, *plátagē*); ей, не въ прамѣръ прочей обстановкѣ греческой дѣтской, удивительно повезло. Во-первыхъ, въ литературѣ: Еврипидъ имѣлъ смѣлость изобразить въ своей „Ипполитѣ“ идеальную няню героическихъ временъ, тѣшашую своего пѣстунчика пѣсенкой подъ сопровожденіе погремушки, и судьбѣ угодно было не такъ давно возвратить намъ изъ египетской могилы нѣсколько спенъ изъ этой трагедіи, а съ ними и эту знаменитую въ древности „арію“ погремушки *). Во-вторыхъ, въ наукѣ: пиеагорейцы въ своемъ мистическомъ преклоненіи передъ музыкой обратили свое вниманіе и на этотъ дѣтскій инструментъ, и „великій изобрѣтатель моря и земли“ Архитъ тарентинскій среди своихъ научныхъ изслѣдованій нашелъ время усовершенствовать и погремушку (ниже стр. 95); какъ, — мы не знаемъ.

Переходя отъ младенческаго возраста къ тому, въ которомъ ребенокъ умѣетъ уже и бѣгать и говорить, мы и его „гимнастическое воспитаніе“ находимъ на болѣе высокой, активной ступени. И опять мы не удивляемся, находя уже у древнихъ грековъ добрую часть обычной обстановки нашихъ дѣтскихъ: лошадокъ, повозки, качели, волчки, бабки, мячики, обручи, змѣи (*astoi*) и т. д., а специально для дѣвочекъ — куклы изъ глины или воска, ярко размазанные и одѣтыя. Впрочемъ, эти послѣднія правильнѣе будетъ отнести къ „мусическому воспитанію“. Какъ универсальная игрушка, она сопровождала дѣвочку въ теченіе всей ея дѣтской жизни; а такъ какъ греческіе нравы позволяли ранніе браки, то случилось, что гречанки лишь наканунѣ своей свадьбы прощались съ этой дѣтской жизнью, посвящая богинѣ Артемидѣ тѣ куклы, которыми онѣ играли до тѣхъ поръ. На рубежѣ между гимнастическимъ

*) См. мою книгу „Изъ жизни идей“. Т. I. стр. 146.

мусическимъ воспитаніемъ находились и тѣ игры, въ которыя играли греческія дѣти. И среди нихъ мы узнаемъ своихъ добрыхъ знакомыхъ: игры въ жмурки, въ прятки, въ пятнашки и т. д. О шалостяхъ распространяться нечего, а равно и о томъ, что наказаніемъ за нихъ были, какъ *ultima ratio*, побои (а именно сандаліей по ягодицамъ), Платонъ этой педагогики не одобрялъ, предпочитая внушеніе и добрый примѣръ (см. Законы V, стр. 729), но традиція была неисправима.

Исключительно къ области мусическаго воспитанія относится, какъ это подчеркивается и Платонъ (ниже стр. 2), главное воспитательное средство этого возраста—сказки. Подобно колыбельнымъ пѣснямъ, и онѣ были памятниками женскаго творчества,—говору „памятниками“, такъ какъ онѣ въ силу присущей имъ живучести даже безъ записи передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Демократическая аѳинская жизнь отнеслась къ нимъ иначе и лучше, чѣмъ аристократическая наука александрійскихъ и слѣдующихъ эпохъ, безглаголиво чуравшаяся этихъ „старушечьихъ разсказовъ“: ежегодно въ октябрьскомъ праздникѣ Осхофорій (т. е. „ношенія грозій“), которымъ оканчивался сборъ винограда, мальчики-побѣдители награждались, кромѣ угощенія, еще и сказками изъ устъ избранныхъ, опытныхъ разсказчицъ. Намъ бы онѣ были совершенно неизвѣстны, если бы не разсыпанные тамъ и сямъ намеки, да кромѣ нихъ—единственная представительница всего этого рода народной словесности, случайно забредшая въ романъ Апулея. Правда, въ немъ она—я имѣю въ виду, конечно, знаменитую сказку объ Амурѣ и Психеѣ—предстаетъ передъ нами въ очень изысканномъ нарядѣ, увѣшанная всевозможными блестками модной риторики, и почтенный романистъ былъ бы, вѣроятно, очень огорченъ, если бы могъ предвидѣть, что мы бы охотно отпустили ему всѣ его вымученныя изящества, и предпочли бы, чтобы онъ пересказалъ намъ свою сказку незатѣйливымъ языкомъ своей няни.

До семилѣтняго возраста воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ было чисто домашнимъ и совмѣстнымъ: но съ семи лѣтъ наступалъ раздѣлъ. Дѣвочки и далѣе оставались пѣдъ надзоромъ матери, обучаясь у нея, главнымъ образомъ, хозяйственнымъ работамъ—стряпнѣ, пряжѣ, тканью, а также и домашней медицинѣ, вплоть до ихъ—обыкновенно, какъ мы видѣли, ранняго—брака. Впрочемъ, это домашнее воспитаніе дополнялось общественнымъ, и притомъ такимъ, которое справедливо можетъ возбуждать зависть новѣйшихъ временъ, съ нашимъ включительно: дѣвочки участвовали въ богослуженіи, въ хороводахъ, которые были установлены въ честь дѣвственныхъ богинь, Аѳины и Артемиды. Здѣсь всѣ элементы „мусическаго“ воспитанія были налицо—поэзія, музыка и пляска, и всѣ они объединялись и освящались религіозной идеей. Рядомъ съ этимъ богатымъ и облагораживающимъ средствомъ воспитанія собственная грамотность отступаетъ на задній планъ; мы не можемъ сказать, гдѣ и какъ ей учились аѳинскія дѣвушки, и всѣ ли ей учились. Въ тѣ времена—мы разумѣемъ эпоху до Платона и Аристотеля—грамотность еще не могла служить мѣриломъ образованности, такъ какъ

ея носительницей была не книга, а живое слово, т. е. элементъ не разъединяющій, а объединяющій людей. Царство книги началось въ эпоху послѣ Аристотеля. Тогда мы и встрѣчаемъ школы грамотности для дѣвочекъ.

Иной путь образованія открывался мальчикамъ; начиная съ семи лѣтъ, разница половъ начинается сказываться; дѣвочку представляли къ прялкѣ, и она становилась полезнымъ членомъ семьи, мальчикъ, свободный отъ домашнихъ работъ и въ то же время болѣе склонный къ проказамъ, былъ беспокойнымъ элементомъ дома, и желательно было его обезвредить. Для этого ему первымъ дѣломъ давали, т. наз., педагога, т. е. дядьку; такъ какъ его задача была главнымъ образомъ отрицательная — обуздывать страсть мальчика къ шалостямъ—то выбирали его не особенно тщательно, назначая на соответственную должность тѣхъ рабовъ, которыхъ вслѣдствіе тѣлесной слабости или увѣчья нельзя было опредѣлять на болѣе трудную работу. Просвѣщенные писатели и мыслители во всѣ времена возмущались этимъ легкомысленнымъ отношеніемъ родителей къ столь важному вопросу, но традиція была сильнѣе ихъ протестовъ. Слово „педагогъ“ означало „тотъ, кто водить мальчиковъ“, куда? Въ школу—въ этомъ, дѣйствительно, состояла его единственная положительная задача. При этомъ онъ несъ за своими питомцемъ его школьныя принадлежности; учебные часы онъ просиживалъ недалеко отъ мѣста, занятій и по ихъ окончаніи отводилъ барчука домой.

Эта школа носила различныя имена, смотря по возрасту мальчика; для младшаго возраста была назначена палестра. Имя этого учрежденія—означающее „мѣсто борьбы“—доказываетъ намъ, что ея первоначальнымъ назначеніемъ было служить физическому воспитанію; но уже задолго до Платона въ ней нашло себѣ убѣжище также и мусическое воспитаніе. Проходились три предмета, каждый подъ руководствомъ особаго учителя. Во-первыхъ, грамота—также и по гречески *grammata*,—которой учили т. н. аз. грамматистъ; это было искусство читать, писать и считать. Читать учили по складамъ: *bēta-alpha-ba* и т. д., для упражненія въ письмѣ служили навоощенныя дощечки; ученіе счету было довольно элементарнымъ, такъ какъ благодаря неуклюжести цифровой системы (въ принципѣ напоминающей т. наз. римскую), даже простое умноженіе было довольно сложной операцией. Впрочемъ послѣ того, какъ первыя трудности, представляемыя письменами, были преодолены, мальчиковъ обучали Гомеру, затѣмъ Солону—афинскому законодателю и поэту—и другимъ; объясняли ихъ, правда, неособенно научно—филологіи еще не существовало, и не боги обжигали горшки. Главное—чтобы мальчики какъ можно больше стиховъ затвердили наизусть; это знаніе было ихъ гордостью, такъ какъ нѣрѣдко представлялся случай имъ щегольнуть на домашнихъ праздникахъ и вообще въ кругу родственниковъ и друзей. А кромѣ того, обогащающее дѣйствіе поэзіи гораздо сильнѣе, если человекъ ее, т. е. ск., впитываетъ въ себя и можетъ въ любое время воспроизвести—чѣмъ при такой обстановкѣ, когда она поконится въ книжкѣ, которую

мы не всегда имѣемъ при себѣ и зачастую именно тогда не имѣемъ, когда мы болѣе всего настроены и приспособлены къ воспріятію ея содержанія.

Вторымъ учителемъ былъ китаристъ; онъ училъ мальчиковъ играть на семиструнной (позднѣе десятиструнной) лирѣ. Несмотря на незначительное—по нашимъ понятіямъ—число струнъ, искусство китаристики было довольно труднымъ: древняя музыка признавала не двѣ только діатоническія гаммы, подобно нашей, а гораздо большее ихъ число, причемъ онѣ носили имена тѣхъ греческихъ или полугреческихъ племенъ, которые ихъ предпочитали. (были дорическій, іоническій, лидійскій, фригійскій и т. д. лады) и были приурочены каждая къ особому роду поэзіи. Итакъ, нужно было умѣть настроить лиру на требуемый ладъ путемъ введенія соответственныхъ полутоновъ, а затѣмъ чисто и выразительно играть. Впрочемъ, игра безъ пѣнія (китаристика въ тѣсномъ смыслѣ) была предоставлена виртуозамъ, но каждый человѣкъ, желавшій считаться образованнымъ, долженъ былъ умѣть сопровождать себя на лирѣ, каковое искусство называлось китаредикой.

✓ Наконецъ, третьимъ учителемъ былъ педотрибъ, представитель гимнастическаго образованія. Такъ какъ его дѣятельность требовала наибольшаго простора, то почти вся палестра принадлежала ему; здѣсь мальчиками проходились главные виды какъ легкой, такъ и тяжелой атлетики; здѣсь же устраивались и состязанія, для которыхъ именно эта часть образованія представляла наиболѣе удобный матеріалъ. Конечно, не имѣлось въ виду дѣлать изъ питомцевъ палестры виртуозовъ, т. е. профессиональныхъ атлетовъ; здоровье, сила, гибкость тѣла, а значить, по эллинскимъ понятіямъ, и его красота—таковы были цѣли, которыя преслѣдовало гимнастическое образованіе.

Къ нему, впрочемъ, относилась также одна спеціальность, которой по естественнымъ условіямъ нельзя было научиться въ палестрѣ—плаваніе. Для приморской и островной Греціи это искусство было необходимѣе, чѣмъ для какой бы то ни было другой страны; объ его распространенности свидѣлствуетъ греческая поговорка „ни плавать, ни грамоты“ (доп.: не знаетъ онъ), которую примѣняли къ совсѣмъ необразованнымъ людямъ. Подробности постановки этого предмета намъ неизвѣстны.

И все же наиболѣе образовательнаго предмета мы еще не назвали. Онъ—тотъ же для мальчиковъ, что и для дѣвочекъ,—хорея; но такъ какъ воспитаніе мальчиковъ было болѣе на виду, то и извѣстій о немъ здѣсь сохранилось больше. Много было боговъ, много и праздниковъ—въ Аѳинахъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и рѣдкій праздникъ обходился безъ хорен. Особенною извѣстностью пользуются хороводы мальчиковъ на праздникахъ Діониса; ихъ снаряженіе и обученіе было дѣломъ государства, т. е., говоря точнѣе, тѣхъ десяти частей аѳинскаго народа, которыя, имѣя собственную организацію, назывались филами. Такъ какъ выступленіе хороводовъ филъ было связано съ состязаніями, то въ каждый публично выступающій хороводъ допускались только избранные; но само

избраніе было бы невозможнымъ, если бы воспитаніе въ хоровахъ (это выраженіе встрѣчается) не было болѣе или менѣе всеобщимъ, или, во всякомъ случаѣ, очень распространеннымъ явленіемъ.

Мы въ предыдущемъ указали главные предметы аѳинскаго образованія вообще, независимо отъ ихъ распредѣленія по возрастамъ. Объ этомъ распредѣленіи мы слишкомъ мало знаемъ: все же намъ извѣстно, что дѣленіе образованія на низшее, среднее и высшее въ своемъ зародышѣ восходитъ къ эпохѣ, древнѣе Платона. Дѣло палестры продолжала гимназія (gymnasion), которую мы съ нѣкоторой оговоркой могли бы назвать средней школой Аѳинъ. Какъ показываетъ ея имя, и она—по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшее время—видѣла свое главное назначеніе въ физическомъ, въ гимнастическомъ образованіи. Впрочемъ, строгости въ разграниченіи терминовъ мы не наблюдаемъ, и средняя школа нерѣдко называется палестрой.—По окончаніи средней школы подростокъ становился „эфебомъ“, отъ дядьки его освобождали, и онъ поступалъ въ государственные отряды эфеговъ, гдѣ служилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, подготавливаясь къ строгой военной службѣ. Мусическій элементъ былъ представленъ въ этой „эфебіи“ обязательнымъ участіемъ молодыхъ людей въ государственныхъ празднествахъ въ честь родныхъ боговъ съ ихъ хореей; позднѣе онъ былъ усиленъ, и эфебія стала своего рода высшей школой, доступной также и иностранцамъ; но это ея развитіе относится уже къ эпохѣ послѣ Платона и Аристотеля. Но уже съ конца V вѣка замѣчается зародышъ чисто мусическаго высшаго образованія, доступнаго, правда, лишь тѣмъ, которые могли на него затратить необходимыя средства: это были частныя курсы по философіи, праву и краснорѣчію, объявляемые сначала пришлыми, а затѣмъ и мѣстными учителями—софистами и риторамъ, но со временемъ и философами. Академія Платона, школа Антисѳена, школа Исократы, лицей Аристотеля и т. д., были такими высшими школами, превратившими мало-по-малу Аѳины во всеаѳинскій, а затѣмъ и всемірный университетъ.

Слѣдуетъ при этомъ помнить, что образованіе было въ Аѳинахъ дѣломъ частной инициативы; даже школа грамотности, будучи общедоступной по своей дешевизнѣ, не была, тѣмъ не менѣе, содержиما государствомъ.

И все таки грамотность была въ Аѳинахъ распространена повсюду; если Аристофанъ въ своихъ „Всадникахъ“, выводя самаго необразованнаго человѣка—колбасника, характеризуетъ его словами: „да вѣдь я ничего не знаю, кромѣ грамоты, да и ту плохо“—то мы въ правѣ заключить изъ этого мимоходнаго, но тѣмъ болѣе драгоцѣннаго свидѣтельства, что собственно безграмотныхъ въ Аѳинахъ не было. Правда, оно касается гражданскаго населенія, и притомъ его мужской половины, относительно женщинъ и рабовъ мы недостаточно освѣдомлены. Все же можно сослаться, напр., на комедію Плавта „Pseudulus“, гдѣ рабъ, читая письмо влюбленной дѣвушки-гетеры, смѣется надъ ея неумѣльнымъ почеркомъ—и здѣсь мы вправѣ усмотрѣть косвенное свидѣтельство о распро-

странности грамоты также и среди женскаго и рабскаго населенія Аѳинъ около 300 г. до Р. Х.

Но что же заставляло отцовъ посылать своихъ сыновей въ школу? Намъ засвидѣтельствованы два мотива, одинъ отрицательный, другой положительный. Отрицательнымъ было желаніе обезвредить своихъ буяновъ на время, которое отцы проводили внѣ дома, положительнымъ—желаніе получить въ своихъ сыновьяхъ кормильцевъ своей старости. Законъ Солона освобождалъ отъ обязанности содержать своихъ отцовъ тѣхъ сыновей, которыхъ тѣ оставили безъ образованія; но и независимо отъ этого закона отцовъ должно было заставить призадуматься соображеніе, что они обречены на безпомощную старость, если ихъ сыновья не будутъ имѣть при возможности, ни охоты работать также и на нихъ. Конечно, для того, чтобы изъ этого соображенія былъ извлеченъ поводъ давать сыновьямъ образованіе, необходима была убѣжденность въ его интеллектуальной и нравственной пользѣ; но именно эта убѣжденность имѣлась на-лицо.

Все вышесказанное относится специально къ аѳинскому воспитанію: оно и лучше намъ извѣстно и представляетъ для насъ исключительный интересъ благодаря тому, что и Платонъ, и Аристотель дѣйствовали въ Аѳинахъ. Все же своеобразный характеръ „Государства“ Платона заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ и о той греческой общинѣ, политическій укладъ которой виталъ передъ его глазами тогда, когда онъ писалъ эту книгу, о Спартѣ. Но мы ограничимся краткой характеристикой.

Въ противоположность аѳинскому, спартанское воспитаніе было—по крайней мѣрѣ, для мальчиковъ—государственнымъ: съ семи лѣтъ мальчика отнимали у матери—отца онъ и раньше почти не видалъ—и зачисляли въ группу ровесниковъ, воспитываемыхъ государствомъ совместно. Это воспитаніе, однако, было почти исключительно гимнастическаго и притомъ военно-гимнастическаго характера; мусическій элементъ былъ представленъ слабо и врядъ ли превосходилъ объемомъ программу аѳинской школы грамотности. Все же каждый спартаецъ долженъ былъ знать законы своей родины,—знаменитые законы полумифическаго Ликурга, передаваемые устной традиціей изъ поколѣнія въ поколѣніе—и кромѣ Гомера изучалъ и своего національнаго поэта, воинственнаго Тиртея. Для музыки въ тѣсномъ смыслѣ Спарта была еще со времени Терпандра (ок. 700 г.) классической страной, правда, въ то время очень консервативной въ отношеніи „классической“ музыки своихъ композиторовъ VII в. и очень недовѣрчиво настроенной ко всякимъ новшествамъ; ея „дорическій“ ладъ считался въ Греціи лучшимъ выразителемъ мужественности въ музыкѣ—скорѣе всего, думается мнѣ, въ силу нѣкоторой ассоціаціи, такъ какъ на насъ этотъ ладъ—нашъ минорный—производитъ какъ разъ обратное впечатлѣніе. Наконецъ, хорея стояла въ Спартѣ тоже на должной высотѣ, хотя ея праздники ни по численности, ни по блеску не могли сравниться съ аѳинскими.

Дѣвочки оставались при матеряхъ, но и имъ было предписано участвовать—кромѣ общеобязательной хореи—и въ гимнастическихъ упражненіяхъ мальчиковъ, особенно въ бѣгѣ. Образъ молодой спартанки въ короткомъ хитонѣ, оставившемъ свободными ноги выше колѣнъ, былъ прекрасно извѣстенъ прочей Греціи; для насъ онъ увѣковѣченъ красивой статуей ватиканскаго музея. Афиняне, какъ показываетъ „Андромаха“ Еврипида, очень неодобрительно относились къ этому „безстыдству“ спартанскихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ; но Платонъ, какъ читатель увидитъ, судилъ о немъ иначе *).

II.

Для Платона какъ и вообще для греческихъ мыслителей—педагоговъ эпохи независимости, педагогика была частью политики; спѣшу прибавить,—чтобы читатель не усмотрѣлъ въ этомъ предвареніи новѣйшихъ уродливостей и изувѣрствъ—что для нихъ въ той же мѣрѣ и политика была частью этики. Вторая аксіома обезвреживала и оправдывала первую. Современная теорія и практика въ своемъ откровенномъ или скрытомъ маньявелизмѣ порвала связь между политикой и этикой, сводя первую къ своего рода коллективному эгоизму, а представители и радѣтели дѣйствительно нравственной педагогики поступаютъ вполне правильно, стараясь по мѣрѣ возможности ослабить связь между безнравственной политикой и педагогикой. Для Платона государство было лишь условіемъ наилучшаго осуществленія нравственныхъ идеаловъ человека: эта высокая концепція политической идеи давала ему полное право подчинить ей также и педагогику. Спѣшу оговориться, что сказанное только что относится лишь къ принципу; насколько о Платонѣ удалось оправдать его въ его систематическомъ построеніи этической политики и этико-политической педагогики—это другой вопросъ, требующій особаго разбора.

Интересъ Платона къ педагогическимъ вопросамъ былъ очень великъ. Не говоря уже о мелкихъ замѣчаніяхъ, разсыянныхъ по многимъ томамъ его богатаго литературнаго наслѣдія въ „Хармидѣ“ дается красочное изображеніе афинской палестры и подвергается обсужденію сущность нравственнаго воспитанія молодежи, которую грекъ сосредоточивалъ въ своемъ прекрасномъ словѣ *зофросу ле*, очень недостаточно передаваемомъ нами смежными терминами „цѣломудріе“ (буквальный, но по смыслу слишкомъ узкій переводъ), „скромность“, „разсудительность“; въ „Лакхетѣ“ разбирается специальный вопросъ изъ области гимнастическаго образо-

*) Ограничиваясь здѣсь этимъ краткимъ очеркомъ, отсылаю читателя за подробностями къ слѣдующимъ специальнымъ сочиненіямъ: 1) Freeman, *Schools of Hellas*, 1907; 2) Ziebarth, *Griechisches Schulwesen*, 2 изд. 1914; 3) Girard, *L'éducation athénienne*, 2 изд. 1891; 4) Dumont, *Essai sur l'éphébie attique*, 1876; 5) В. П. Бузескулъ, *Античность и современность*, 2 изд. 1914 стр. 147 сл.

ванія молодежи, а именно вопросъ о желательности обученія въ фехтовальномъ искусствѣ, причѣмъ его послѣдовательное развитіе ведетъ къ постановкѣ вопроса о мужествѣ; въ „Менонѣ“ дается образчикъ „евристическаго“ метода въ примѣненіи къ преподаванію геометріи, причѣмъ и здѣсь практической примѣръ расширяется въ теоретическое обсужденіе вопроса о томъ, не есть ли возникновеніе знанія путемъ ученія на самомъ дѣлѣ лишь воскрешеніе того знанія, которымъ человѣкъ обладалъ въ прабытіи; въ „Протагорѣ“ и „Евтидемѣ“ передъ нами выводится высшее образованіе афинской молодежи въ его софистической разновидности на двухъ примѣрахъ: сравнительно почтенномъ и явно несостоятельномъ, причѣмъ первый опять таки даетъ поводъ къ постановкѣ центрального вопроса о научимости добродѣтели. Но все же обстоятельный разборъ педагогической проблемы Платонъ далъ въ двухъ своихъ крупнѣйшихъ твореніяхъ—именно тѣхъ, выдержки изъ которыхъ читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ: эти творенія представляютъ собою два послѣдовательныхъ и параллельныхъ осуществленія одной и той же идеи, болѣе прочихъ тревожившей эллинскихъ мыслителей IV вѣка—идеи государства, въ которомъ царитъ справедливость. Это, съ одной стороны, „Государство“ (Politeia), съ другой—„Законы“ (Nómoi).

...Параллельныхъ, сказали мы. Итакъ, Платонъ повторялся? Нѣтъ. Цѣлое поколѣніе отдѣляетъ „Государство“ отъ „Законовъ“: тамъ,—голосъ смѣлой вѣры, здѣсь—голосъ разочарованности и осторожности, тамъ—утопія, здѣсь—поссибилизмъ; тамъ—

Юноша съ тысячной силой уплылъ въ безпредѣльное море.
здѣсь—

На одинокомъ челнѣ въ гавань вернулся старикъ.

Начнемъ съ голоса несломленной жизненными неудачами отваги—съ „Государства“.

Между Сократомъ и его собесѣдниками—изъ которыхъ выдѣляются оба брата Платона, Главконъ и Адимантъ, а также и смѣлый софистъ Трасимахъ—возникаетъ споръ о сущности справедливости. Трасимахъ, возмущенный слишкомъ благонравными опредѣленіями этой мнимой добродѣтели, утверждаетъ, что справедливость не что иное, какъ „польза сдѣлнѣйшаго“, будь то отдѣльное лицо или толпа, и въ противоположность къ ней прославляетъ несправедливую силу, творящую то, что угодно ей, въ особенности же совершенную несправедливость—тиранію. Не будучи въ состояніи ни согласиться съ подобнымъ опредѣленіемъ, ни опровергнуть его, собесѣдники обращаются къ Сократу съ просьбою взять на себя защиту справедливости. Тотъ согласенъ. Слишкомъ мелко написанную грамоту, говоритъ онъ, мы легче разберемъ, если намъ дадутъ второй ея экземпляръ, написанный болѣе крупными буквами; точно также мы скорѣе узнаемъ справедливость въ нравственномъ организмѣ отдѣльнаго человѣка, если сначала изучимъ ее въ крупномъ организмѣ—государствѣ. Итакъ, попробуемъ прослѣдить возникновеніе государства. Призвало его къ жизни, очевидно,

сознаніе не самодовлѣнія отдѣльнаго человѣка: чѣмъ производить самому всю работу, необходимую для поддержанія жизни—лучше, соединившись, подѣлить эту работу между собою съ тѣмъ, чтобы каждый взялъ на себя опредѣленную ея часть. Такъ возникла первоначальная община—и вмѣстѣ съ ней и ея справедливость, ибо справедливость состоитъ именно въ томъ, чтобы каждый членъ общины дѣлалъ свое дѣло и не вмѣшивался въ чужое. Но съ развитіемъ общины развиваются и потребности ея членовъ, что въ свою очередь ведетъ къ расширенію общинной земли и къ необходимости ея обезпеченія отъ захватовъ со стороны сосѣдей; возникаетъ, другими словами, необходимость государственной обороны. Кому же ее поручить? Всѣмъ ли гражданамъ? Таково было дѣйствительно мнѣніе греческихъ общинъ. Но Платонъ съ ними рѣзко расходится. Нѣтъ, и здѣсь должно быть соблюдено основное требованіе государственной справедливости: каждый дѣлай свое дѣло и не вмѣшивайся въ чужое. Государственная оборона—такое же дѣло, какъ и другія, и пожалуй еще болѣе сложное и ответственное, нельзя ее совмѣщать съ земледѣліемъ, ремеслами и др., она требуетъ специализовъ. И здѣсь пунктъ, въ которомъ Платонъ отдѣляется отъ почвы греческой дѣйствительности; отсюда онъ пускается въ плаваніе на тысячахъ кораблей, въ непредѣльное море утопій.

Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что въ государствѣ должно быть особое сословіе, посвятившее себя исключительно дѣлу государственной обороны. Его членовъ Платонъ называетъ стражами (phylakes); во всѣхъ дальнѣйшихъ частяхъ сочиненія рѣчь идетъ почти только о нихъ. Въ этомъ многие усматриваютъ пренебреженіе философа-аристократа къ производительному труду; но это ошибка. Не слѣдуетъ забывать, что Платонъ не былъ политикакомъ по призванію; для него политика—только часть философіи. Положеніе представителей производительнаго труда само по себѣ философской проблемы не возбуждало; философъ и оставляетъ его въ сторонѣ, признавая за этимъ сословіемъ всѣ права, которыми оно пользовалось въ Греціи, съ семейнымъ бытомъ и частной собственностью включительно. Другое дѣло—стражи; ихъ положеніе содержитъ въ себѣ философскую проблему и даже дилемму самаго мучительнаго характера. Вѣдь они—вооруженная сила государства; какъ достигнуть того, чтобы эта сила дѣйствовала только противъ враговъ государства, а не противъ его гражданъ? Чтобы она не осуществила той „совершенной несправедливости“, которой увлекался Эрасимахъ, и не превратилась изъ защитницы гражданъ въ ихъ поработительницу? Устрашающіе примѣры на лицо, это—Спарта, граждане-воины которой, спартіаты, присвоили себѣ всѣ политическія права и обратили производителей отчасти въ подчиненныхъ (періэковъ), отчасти въ рабовъ (илотовъ). Какъ же этого избѣгнуть?

Природа даетъ намъ въ этомъ отношеніи поучительное указаніе. Народы еще Гомеръ сравнивалъ со стадами: такъ вотъ стада охраняютъ пастухи съ помощью собакъ-овчарокъ. Эти овчарки—оруженная (зубами) сила стада; какъ же разрѣшается здѣсь эта

мучительная дилемма? Какъ достигаемъ мы, чтобы овчарки отражали и грызли волковъ, но ласково относились къ овцамъ? Что мѣшаетъ имъ осуществить и со своей стороны „совершенную несправедливость“ Орасимаха и сожрать своихъ опекаемыхъ?

Отвѣтъ Платона на этотъ вопросъ продиктованъ тѣмъ особымъ свойствомъ его и вообще греческаго ума, которое насъ не разъ озадачиваетъ. То, въ чемъ мы видѣли-бы проявленіе природнаго инстинкта, ничего этимъ въ сущности не объясняя,—Платонъ понимаетъ какъ плодъ сугубой сознательности овчарокъ, или, какъ онъ выражается, бравирюя наши улыбки, какъ послѣдствіе ихъ сугубо „философской“ природы. Итакъ фактъ на лицо, стражи должны, подобно овчаркамъ, усвоить себѣ эту повышенную сознательность, эту особо философскую природу. А какъ это достигнуть?

Платонъ отвѣчаетъ вполне послѣдовательно: путемъ воспитанія. И тутъ основная задача сочиненія въ третій разъ мѣняетъ свой аспектъ: изъ этической она уже раньше превратилась въ политическую—теперь она на время изъ политической превращается въ педагогическую.

Спѣшу, однако, оговориться: отвѣчая на указанный вопросъ въ указанномъ смыслѣ, Платонъ ничуть не преувеличиваетъ значенія педагогики, не предвѣщаетъ увлеченія XVIII в., будто можно путемъ воспитанія создать новую породу людей. Въ своемъ мѣстѣ онъ оцѣнилъ надлежащимъ образомъ значеніе рожденія и врожденнаго нрава; съ той замѣчательной прозорливостью, которая его отличаетъ вездѣ, онъ поставилъ вопросъ объ условіяхъ наилучшей рождаемости и выдвигаетъ важность той науки, о которой вплоть до послѣдняго времени, да и понынѣ, общественное ханжество не позволяеть говорить открыто—„евгеники“; онъ выставилъ извращеніе здоровыхъ государственныхъ формъ результатомъ вырожденія, а вырожденіе—результатомъ несоблюденія евгеническихъ условій. Его стражи въ большинствѣ случаевъ рождены таковыми, и все же это не замкнутое сословіе. Если вслѣдствіе несоблюденія евгеническихъ условій отъ отца-стража рождается несоотвѣтствующій своему назначенію ребенокъ, то Платонъ требуетъ его исключенія изъ сословія—и наоборотъ, включенія въ него соотвѣтствующаго его назначенію ребенка, рожденнаго въ другомъ сословіи. Итакъ, его политическое мировоззрѣніе—аристократизмъ, но аристократизмъ не сословный, а биологическій. А биологическій аристократизмъ неопровержимъ, такъ какъ это—слово природы, сирѣпленное наукой.

Все это такъ, но ходъ разсужденія таковъ, что Платону пришлось заняться педагогической проблемой раньше евгенической. И здѣсь начинается тотъ ходъ мыслей, который читатель можетъ прослѣдить по выпискамъ въ текстъ настоящаго изданія—конецъ второй книги и третья. Ихъ содержаніе—прошу это помнить—воспитаніе стражей и только ихъ.

Традиціонное дѣленіе воспитанія на мусическое и гимнастическое философъ оставляетъ въ силѣ. Съ мусическаго онъ начинаетъ—оно находится въ ближайшей связи съ той дилеммой, ко-